

Д

авно дело было... В конце шестидесятых. Я тогда в пятый класс ходил. И очень любил конфеты, особенно шоколадные, с белой начинкой: «Пилот», «Весна», «Озеро Рица». Не скажу, чтобы уж так часто они мне перепали, а все же почаще, чем старшей на четыре года сестре Иринке. Сладким обоим больше баловала бабушка Дуся, наш главный воспитатель.

Заканчивалась вторая четверть, и я жил в предвкушении новогоднего праздника и зимних каникул. Во дворе снежинками на иголках серебрилась уже купленная отцом разлапистая ель. Так хотелось поскорее ее украсить...

И вот, наконец, отец принес из сарая крестовину, чуточку подпилит ствол лесной красавицы и установил ее посреди зала. В комнате вскорости запахло хвоей. Игрушки развешивали мы с сестрой — разумеется, под контролем бабушки.

О, эти елочные игрушки моего детства! Пузатые будильники, на которых всегда без пяти двенадцать, лубочные избушки с заснеженными крышами, фигурки сказочных зверюшек, переливчатые рыбки, грибы-крепыши... А красная звезда из стекла на проволоке чудом сохранилась у меня и поныне. Айболит и старик Хотта-

быч. Светофор и матрешка. Труба, скрипка и барабан: все ручной росписи. Космонавт и ракета. Витые сосульки. Аж три пендитных кукурузных початка. Гирлянды из флажков. И, конечно, жизнерадостные шары — всех цветов и размеров: с портретами вождей, с серпом и молотом, с узорами, с отражателем, с серебристой присыпкой, — неярко блестящие среди колких мохнатых ветвей. Сегодняшние же пластиковые шарики оптом сработаны на одну колодку и без души. Единственный плюс, да и то сомнительный: не бьются.

Под елку мы установили Снегурочку и Деда Мороза из папье-маше с надрезанным мешком: по малолетству Иринка пыталась найти в нем подарок.

В заключение священнодействия бабушка принесла еще и конфеты «Пилот» — двенадцать штук, я их сразу сосчитал, и мы на нитках подвесили лакомство за хвостики фантиков. Потом бабушка предупредила:

— И чтоб ни-ни! Пусть пока покрасуются, а уж после праздника разделите.

Ничего себе испытание для меня, сладкоежки! Еще и елка рядом с моим диваном: утром глаза открыл — конфеты с веток дразнятся; спать ложишься — опять душевное расстройство. Что испытание — настоящая пытка неокрепшего волею...

Словом, уже через два дня «не вынесла душа поэта»... Ведь половина конфет моя, так? Какая же разница, когда именно их употребить? Ну, не довели, подумаешь, это-то мы замаскируем.

Первой «жертвой» стал «Пилот» с нижней ветки. Подгадав момент, я вытянул его из фантика и с наслаждением сжевал, а пустую бумажку свернул так, чтобы казалось, будто конфета цела. Лиха беда начало — в тот же день добрался и до второй, а следующим утром — до третьей. Ликвидировав полдюжины «Пилотов», временно остановился: оставшиеся-то уже вроде и не мои...

Однако я быстро пришел к мысли, что сестра почти взрослая и вообще за свою длинную жизнь куда больше меня всяких вкусностей переела, значит, пора восстанавливать справедливость. И без всяких угрызений совести опустошил пару очередных фантиков. Потом, даже внутренне не оправдываясь, просто «приговорил» две следующие конфеты. Доел бы и последние, с самого верха елки: семь бед — один ответ. Но тут наступило тридцатое декабря, и на школьном новогоднем празднике мне вручили традиционный подарок.

Я было хотел подстраховаться, завернуть в пустые фантики конфеты из кулька, но... Это почти все шоколадные выбрать? Жа-алко...

Развязка наступила после новогоднего ужина — его нам с Иринкой устраивали в девять вечера, и я на нем сидел, как на елочных иголках... Эх, и быть бы мне битым широким отцовским фронтальным ремнем, на котором папа точил трофейную бритву «Золинген», однако меня отстояла бабушка. Только изъела четыре наиболее интересные конфеты из оставшихся в кульке, присовокупила к ним две несъеденные с елки и вручила кровно обиженной сестре, тоже любительнице сладкого. Мне же попеняла:

— Нету у тебя, друг ситцевый, силы воли ни на грош. А еще мужчина будущий. Срамота! — и отошла, бессильно махнув рукой.

Очень меня те слова пробрали, даром, что мал был. Любым путем доказать захотелось: конфеты — пустяк, а сила воли имеется, и настоящий мужчина — такой, как мой кумир актер Жан Марэ из любимого фильма «Парижские тайны», — из меня обязательно получится.

Пожалуй, то был первый в моей жизни по-взрослому осознанный поступок. В сильно потоптавшем кульке-подарке оставалась большая шоколадная медаль в серебряной фольге и с выступающей картинкой: космический корабль, удаляющийся от Земли к звездам. Медаль сберегалась напоследок: вкуснее будет казаться. Взял я ее и с отчаянной решимостью принес бабушке:

— На, возьми, а отдашь на следующий Новый год, тогда и съем. И попробуй только после сказать, что у меня силы воли нет!

— Э-э-э, друг сердешный, так дело не пойдет, — возразила бабушка. — Невелика важность, если я шоколадку под ключ упрячу. А вот ты ее в свой стол положи, чтоб все время была под рукой, и потерпи годик. Тогда — герой!

На том и порешили. И еще — что это будет наш секрет.

Намучился я. Особенно спервоначалу. Сядешь уроки учить, а мысль о рядом лежащей сласти все знания отгоняет. Вынешь шоколадку, посмотришь на нее — тьфу, сгинь, искусительница! — и назад, в ящик.

Я уж и серебряную фольгу аккуратно снимал, и шоколад нюхал, и кончиком языка к выпуклому изображению прикладывался. Ах, как хотелось отгрызть ту же «Землю», либо хотя бы ракету слизать... Сейчас то понятно: сам соль на рану сыпал. Но — кое-как держался. Бабушка же время от времени интересовалась: «Ну что там твоя медаль? Есть еще сила воли, не съел?»

Я несся к столу и предъявлял заначку. И как был тогда горд и счастлив!

Летом сдерживать себя оказалось проще: каникулы, еще и в гости уезжал. Вернулся домой — и сразу к столу: на месте ли шоколад? Да куда ему деться...

А вот в сентябре едва не сорвался. Получил нагоняй от матери за то, что гулял много, по-летнему, а за уроки садился под вечер. И как бы в компенсацию просто загорелось эту распроклятую медаль изничтожить! Спасибо бабушке — вовремя углядела, что с внуком что-то неладное, и о «силе воли» спросила...

Дотерпел-таки я до следующего Нового года! За праздничным столом бабушка открыла домашним нашу тайну и торжественно подвигла меня на поедание шоколадного символа воли. Медаль к тому времени треснула — как раз меж Землей и ракетой, немного посветлела и сильно затвердела. Пришлось ее натурально грызть.

И все равно: это был самый вкусный шоколад, который мне довелось попробовать в жизни...